

INSPIRIA

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Бразилия

Рафаэль Монтес
Карнавал смерти

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.134.3-312.4(81)

ББК 84(7Бра)-44

Монтес Р.

Карнавал смерти / Р. Монтес — «Эксмо», 2019 — (Ток. Национальный бестселлер. Бразилия)

ISBN 978-5-04-172829-8

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР № 1 В БРАЗИЛИИ. Мрачная история о семейных тайнах, приведших к карнавалу смерти. Быть Викторией Браво нелегко. Я наблюдаю за ней каждый день. Знаю ее планы и привычки. Знаю ее самые сокровенные секреты и страхи. Я слежу за ней издалека... Виктории было четыре года, когда психопат ворвался в дом и зарезал всю ее семью. Напоследок он оставил собственную метку – раскрашенные черной краской лица жертв. Девочка сумела выжить, но изменилась навсегда после кошмара той ночи. Двадцать лет спустя Виктория живет в крохотной квартирке в Рио-де-Жанейро, отгородившись практически от всех. Ее любимое развлечение – подглядывать за чужой жизнью через окна домов, скрываясь в темноте. Но когда она находит у себя в спальне жуткое послание, то понимает – теперь следят за ней... Прошлое вернулось, чтобы раскрыть секреты той трагедии и довести начатое до конца. Виктории придется сыграть по правилам психопата и самой докопаться до истины. И помочь в этом деле могут лишь три человека: ее парень, лучший друг и психиатр. Только вот есть проблема: кажется, один из них – убийца... «Ритм, стиль письма и тонко прописанная главная героиня поразили меня. Как и в „Идеальных днях“, меня провели во тьму». – Кэролайн Кепнес, автор бестселлера «Ты» «Прочитала на одном дыхании. Я боялась за Викторию, болела за нее, а главное – понимала ее. И та глубина, с которой Рафаэль Монтес создал этого таинственного персонажа... Триллер и роман, соединенные в одном сюжете, трогают и заставляют задуматься. Блестяще!» – Илана Касой, бразильская писательница и профайлер-криминалист «Мощный женский психологический триллер с гениальным многослойным сюжетом, полным неожиданных поворотов. Я была загипнотизирована». – Глория Перес, бразильская сценаристка и автор новелл, создательница сериала «Клон» «Рафаэль Монтес сочетает

напряженную атмосферу фильмов Альфреда Хичкока с черным юмором
Квентина Тарантино». – The Guardian

УДК 821.134.3-312.4(81)

ББК 84(7Бра)-44

ISBN 978-5-04-172829-8

© Монтес Р., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
1	10
2	15
3	20
4	25
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рафаэль Монтеc

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

31 мая 1998 года, воскресенье

Викторию разбудил лай собак в соседском саду. Испугавшись, она села в постели и выглянула в окно своей спальни на втором этаже. Еще стояла ночь. Снаружи на сильном ветру раскачивались ветки ее любимого дерева. Осыпавшиеся сухие листья шуршали по оконному стеклу и падали в сад за домом. Груда подарочных упаковок, сваленных возле шкафа, отбрасывала тень, похожую на чудовище. Девочка включила лампу и прижалась к себе под одеялом белого плюшевого мишку Абу. Несколько секунд она лежала неподвижно с широко открытыми глазами, уставившись на звезды, которые папа прикрепил к потолку, чтобы те светились в темноте.

Ей хотелось пить, но лень было спускаться на кухню. Суббота выдалась необыкновенной, хотя и очень утомительной. В честь дня рождения Виктории мама с папой устроили для нее вечеринку принцессы. Сад украсили золотыми коронами и яркими воздушными шариками. Был и большущий торт, и сладости, и хот-доги, и попкорн. На праздник пригласили всю улицу и школьных друзей. Именинница красовалась в платье принцессы, а родители подарили ей серебристый бант, усыпанный блестками, – самый красивый из когда-либо виденных. Виктория целый день бегала, танцевала с подружками под «Чикититу»¹ – *двигайся, двигайся, маши руками* – и получила кучу подарков. А под конец вечера все дружно спели для нее «С днем рожденья тебя».

Теперь ее ноги буквально горели. Собаки лаяли все яростнее. Странно: обычно они такие спокойные в отличие от кошек Терезы... Виктория обожала валяться с собаками в траве и грязи; к счастью, мама не возражала. Затем раздался другой звук: громкий пронзительный стон, который внезапно оборвался. Он донесся изнутри, из дома.

Виктория спустила ноги с кровати, взяла с прикроватной тумбочки очки и с Абу под мышкой заскользила по полу в цветных носках – подарке тети Эмили. Повернула дверную ручку и отважилась сделать несколько шагов за порог комнаты, не включая света.

Крики доносились из родительской спальни в ближнем конце коридора. Из-под двери пробивался желтый свет, освещая верхние ступеньки лестницы. Мама плакала, а папа говорил громким, будто не своим голосом – кажется, он очень волновался. Они ссорились?

– Не бойся, Абу, – шепнула Виктория плюшевому мишке.

Как мог Эрик не услышать этого? Да, ее брат крепко спал и сильно храпел, но... Мамин плач становился только громче. Девочка услышала еще чей-то голос и не узнала его. Может, Эрик тоже там и это все из-за него? Наверное, родители ругают его за то, что он тайком убегает из дома. Виктория прекрасно знала – врать нехорошо, но Эрик, которому было уже целых десять лет, кажется, этого так и не усвоил.

Вдруг кто-то схватил девочку за руку и одновременно зажал ей рот, не давая закричать. Она начала отчаянно брыкаться.

– Успокойся, это я.

Виктория узнала голос брата и перестала сопротивляться. Она хотела отругать Эрика за то, что он ее напугал, но что-то в выражении его лица заставило ее промолчать. Она никогда не видела брата таким бледным.

– Здесь кто-то есть, – прошептал Эрик, увлекая сестру в свою комнату.

¹ «Чикитита» (Chiquitita) – сингл шведской группы «АББА». – *Здесь и далее прим. пер.*

Он тихонько притворил дверь и повернул ключ в замке. В комнате пахло жвачкой, потными ногами и печеньем. Виктория поправила очки на носу, чтобы получше рассмотреть, что же ищет брат в глубине шкафа. Когда он повернулся, в руках у него был световой меч из «Звездных войн» – подарок на его девятый день рождения.

– Лезь под кровать, Вик.

Девочка послушно легла на живот и юркнула под кровать. Снаружи по-прежнему раздавался шум. Лай усилился, и дети слышали грохот: что-то тяжелое скатилось вниз по лестнице. Виктория больше не слышала папиного голоса. Тут издали раздались мамины крики, как будто она спустилась на кухню. Она уже не плакала, а звала на помощь. Виктория высунула голову из-под кровати.

– Оставайся здесь, – велел Эрик. Хотя он пытался скрыть страх, ноги у него дрожали. – Я вызову полицию.

Единственный телефон в доме находился на первом этаже, в гостиной возле телевизора.

– Не надо, – всхлипнула Виктория. – Не уходи.

Эрик подошел к двери со световым мечом и медленно отпер ее, готовясь встретить лицом к лицу опасность, поджидающую снаружи. Виктория старалась как можно больше разглядеть из своего укрытия: приоткрытую дверь, грязноватый ковер, босые ноги брата, исчезающие в темном коридоре. Подождала несколько секунд. Больше ничего не было слышно: ни криков, ни ругани. Никаких признаков присутствия папы или мамы, только лай собак вдалеке. Как будто все это просто часть ночного кошмара. Только вот ее сердце колотилось как бешеное, напоминая о реальности происходящего.

Девочка поняла, что обмочилась. Теперь мама отругает ее. Может, даже накажет, а Виктория этого терпеть не могла. Она бы объяснила, что испугалась...

И тут послышался хлопок. Затем еще один – уже ближе. Кто-то покатился по полу; зазвенело бьющееся стекло, и Эрик взвыл от боли. Затем последовала серия глухих ударов, будто что-то тяжелое роняли на пол. Виктория никогда не слышала подобного шума в драках. Ей хотелось что-нибудь сделать, но она застыла как вкопанная.

В ее поле зрения возник Эрик, ползущий по полу. На секунду он повернулся к ней лицом: в его глазах застыл ужас. Брат поднес трясущийся указательный палец к губам, приказывая сестре молчать. Она увидела кровь на его ногах и подавила острое желание закричать. В дверях появился какой-то человек, вздернул Эрика за воротник и швырнул на кровать. Девочка перекатилась на бок и обхватила руками колени, сжимая Абу в объятиях. С каждым ударом крики брата становились все слабее, переходя в булькающий хрип. Кровь стекала с края кровати и капала на пол рядом с Викторией.

Тс-с-с-с-с.

Почему этот звук казался таким знакомым?

Тс-с-с-с-с.

В спальню проник резкий запах, и Виктория почувствовала, как у нее закружилась голова. Она зажала нос и рот, как делала во время прыжка в бассейн, но не смогла долго сдерживаться и тихо кашлянула. Незнакомец замер, почувствовав ее присутствие. Не успел он присесть на корточки, как девочка быстро выкатилась из-под кровати, бросив Абу, и побежала без оглядки. Она знала, что за ней гонятся.

– Мамочка! Папочка! – крикнула девочка с верхней площадки лестницы. Голос эхом разнесся по дому и затерялся в просторной гостиной.

Виктория сбежала вниз. В кухне стояла кромешная тьма. Гостиную освещало только приглушенное мерцание телевизора, по которому тихо шел какой-то фильм. Яркие ленточки и надпись «С днем рождения» все еще были приклеены скотчем к зеркалу. На столе валялись пустые пакеты из-под сладостей, использованные пластиковые тарелки и скомканные салфетки, а на

полу – лопнувшие воздушные шарики, крошки от торта и булочки от хот-догов, которые уронили во время праздника.

Девочка бросилась мимо дивана к раздвижной двери, ведущей на задний двор. Приблизившись, заметила, что та приоткрыта. Поперек прохода белели две ноги, словно упавшие мешки с сахаром. Виктория узнала мамину ночную рубашку, подбежала ближе и в отчаянии присела на корточки. Кровь лилась из груди матери в такт слабеющему дыханию. Она была еще жива, но у девочки не хватало духу дотронуться до нее. Слишком много крови.

«Беги», – беззвучно прошептала мать. На ее горле зияла рана, похожая на рот, распахнутый в странной улыбке.

Свет от телевизора внезапно стал ярче, и девочка смогла четче разглядеть мамино лицо. Оно было совершенно черным, будто покрытое липкой краской. Виктория любила маму, любила папу, любила брата. Нужно было что-то делать. Позвонить в полицию или...

Она подбежала к стойке с телевизором и вскарабкалась по полкам к телефону. Лихорадочно набрала единственный номер, который знала наизусть, и стала ждать. Вскоре ей ответили.

– Тетя Эмилия, помоги, – успела крикнуть в трубку Виктория, прежде чем ее резко оттащили назад.

Телефон с грохотом упал на пол. Незнакомец прижал ее маленькое тельце к дивану и навалился сверху, обездвигив ее ноги и зажав рот рукой в перчатке. Виктория еще не выучила до конца «Отче наш» и пыталась вспомнить первые строчки, но не могла. Она отбивалась, но чужак оказался сильнее. Очки слетели, и девочка смутно различала лицо мужчины и его кудрявые волосы, спадающие на черные глаза. Он вскинул правую руку, сжимая огромный нож, с которого капала кровь. Лезвие сверкнуло, когда на него упал свет. Виктория зажмурилась, и на нее обрушился первый удар. Жгучая боль быстро растеклась по всему телу: острие рассекло ей ногу. Затем – еще удар. Силы иссякали, сопротивляться не было смысла...

И вдруг удары прекратились. Нападавший отшвырнул нож, достал что-то из своей поясной сумки, затряс этим «чем-то» и направил прямо на девочку. Собрав все силы, она закричала так громко, как только могла, но было слишком поздно. Снова появился резкий запах, глаза обожгло, а в горле появился горький привкус.

Тс-с-с-с-с.

В первые часы своего четвертого дня рождения Виктория провалилась во тьму.

Двадцать лет спустя

Быть Викторией Браво нелегко. Я наблюдаю за ней каждый день. Знаю ее планы, привычки, любимые места. Знаю, какие лекарства она принимает, какие мультфильмы ей нравятся, какую еду покупает. Знаю ее самые сокровенные секреты и страхи. Знаю, что по выходным она навещает двоюродную бабушку, субботы любит проводить дома и всегда ходит одна на полуночные киносеансы. Я слежу за ней издалека. Я провожу бессонные ночи, глядя на единственное окно в ее квартире и думая о ней.

Те несколько часов, которые мы проводим вместе каждую неделю, просто чудесны, полны тонких намеков, невысказанных слов, многозначительных взглядов. Но Викторию трудно удержать. Мы продолжаем в таком духе уже давно, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Шаг вперед, еще шагок – и начинай сначала. Мне кажется, пора сделать решительный ход – так сказать, взять быка за рога. Мои ладони вспотели, сердце бешено колотится. Жду не дождусь.

На этот раз я не сомневаюсь, что все пройдет замечательно.

1

На перекрестке Виктория на секунду остановилась, достала из кармана латунное обручальное колечко и надела на правую руку. Арроз проделал то же самое со своим кольцом. Девушка задрала голову и нашла взглядом желтую вывеску «СДАЕТСЯ» в окне четвертого этажа. На подоконнике стояли две вазы с цветами, а на стекле красовалась большая наклейка. Надпись с такого расстояния не разобрать. Здание старое, с выкрашенным в бежевый цвет фасадом и красивой мраморной аркой над входом.

– Организовать это было несложно, – заметил Арроз с заговорщической улыбкой.

Они продолжали идти бок о бок по тротуарной плитке с мозаикой, не держась за руки. Швейцар позвонил в квартиру 407 по домофону, и им разрешили подняться. Выйдя из лифта, парочка зашагала к двери квартиры по широкому коридору с красной ковровой дорожкой. Виктория позвонила в звонок, уже различая звуки внутри: по телевизору шла детская передача, кто-то бежал по паркету, хлопнула дверца шкафа, в замке повернулся ключ.

Женщине, открывшей дверь, могло быть не больше сорока, но выглядела она как с поля боя: волосы собраны в неряшливый пучок, на белой блузке нечто похожее на пятна от томатного соуса, лицо изможденное. Арроз пожал ей руку, а Виктория предусмотрительно сунула руки в карманы и только кивнула. Ничего личного: просто она по возможности избегала телесных контактов. Хозяйка впустила их и предложила чувствовать себя как дома. Этот момент нравился Виктории больше всего: первая встреча с квартирой, ее запахами, красками, мебелью, обитателями. Целый шквал таких маленьких, но таких важных частичек информации...

Гостиная была просторной и симпатичной комнатой: круглый стол у двери; прислоненные к стене пустые рамы; открытые банки с краской; несколько абстрактных картин на стенах; игрушечные наборы, разбросанные на полу; черный диван, на котором, подогнув ноги, лежал маленький светловолосый мальчик лет шести и смотрел на планшете мультяшного («Ученая Луна!», если Виктория не ошиблась). Когда вошли гости, он даже не оторвался от экрана.

Виктория подошла к желтой вывеске на окне и повнимательнее рассмотрела наклейку на стекле: «ЗДЕСЬ ЖИВЕТ СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ» – и держащиеся за руки четыре фигурки из палочек: отец, мать, маленький мальчик и маленькая девочка. Эта женщина, наверное, художница, но понятно, что теперь она прежде всего мать. Достаточно взглянуть на мешки у нее под глазами – верный признак бессонных ночей. Видимо, она вышла замуж за мужчину, который оказался одновременно кормильцем и шовинистом: он зарабатывал деньги, она воспитывала детей.

Повернувшись к хозяйке, Виктория заметила, что та наблюдает в ответ. В воздухе повисла неловкость – легкое беспокойство из-за прихода посторонних.

– Вы помолвлены? – Женщина старалась быть дружелюбной.

– Да. – Арроз продемонстрировал кольцо. – Поженимся через три месяца.

– А мы живем здесь с тех пор, как сыграли свадьбу. Но мужа перевели в Хьюстон, так что все мы переезжаем туда.

«Бинго! – подумала Виктория. – Послушная женушка, которая следует за успешным мужем по всему миру».

– Мы были здесь очень счастливы, – продолжала хозяйка. – Нам так понравилась квартира, что мы решили не продавать ее, а сдать милой надежной паре.

– Это мы и есть! – Арроз несколько натужно рассмеялся.

Девушке очень хотелось узнать, что эта женщина думает о них. На самой Виктории были просторные штаны и удобная темно-синяя худи; на коротких волосах, как всегда, красовался

бант. Арроз тоже выглядел необычно: высокий, почти шесть футов и шесть дюймов ростом², худой, с гривой распущенных черных волос ниже плеч. При ходьбе его длинные руки с большими кистями болтались вдоль туловища, словно у огромного грустного великана. Виктория не знала точно, сколько ему лет. Наверное, чуть за тридцать, хотя одевался он как подросток-бунтарь: яркие шорты, футболки с отсылками к поп-культуре (сейчас с постером «Криминального чтива», но она видела еще «Заводной апельсин» и «Во все тяжкие», рок-группы «Куин» и «Айрон Мейден»), кроссовки и бейсболки козырьком назад, чтобы спрятать волосы. Наверняка эта женщина сочла их странной, необычной парочкой.

– Кстати, меня зовут Марсия. Рада знакомству.

– Фелипе, Бьянка, – представились по очереди Арроз с Викторией.

Марсия провела их по остальной части квартиры, попутно рассказывая о районе, домовладельце и достопримечательностях этой части Ботафогу³, где за последние несколько лет появилось немало отличных ресторанчиков. В ванной комнате капало из душа. Марсия сердито повернула кран, перекрыв воду как следует.

– Ох уж эти дети... – вздохнула она. – Порой они сводят с ума.

На мраморном туалетном столике громоздились флакончики с духами, лосьоны после бритья, расчески, куски мыла, коробка с лаками для ногтей и высокий стакан с четырьмя зубными щетками и детской зубной пастой. Выходя, Виктория пропустила Марсию вперед, задержалась на секунду и потрогала щетки. Две поменьше – одна с Баззом Лайтером⁴, другая с Золушкой – были еще влажными; ими недавно пользовались. Виктория взяла зубную пасту, выдавила немного на палец и лизнула. Приятный клубничный вкус сразу взбудрил ее.

Первая спальня по коридору была родительской. Через приоткрытые дверцы шкафа виднелись кучи одежды. В углу, у изголовья неубранной кровати, стояла гитара. Чувствовался слабый запах миндаля – правда, Виктория никак не могла понять, откуда. Когда они направились во вторую спальню, мимо пробежала маленькая светловолосая девочка, что-то крикнула брату и столкнулась с Аррозом.

– Вы хотите детей? – спросила Марсия.

Молодые люди переглянулись.

– Да, – ответил Арроз. – Собираемся завести в следующем году.

– Здесь две спальни. Можете использовать одну как рабочий кабинет или поставить там телевизор.

Хозяйка продолжала рассказывать о достоинствах квартиры и возможном использовании комнат. Арроз задавал вопросы как настоящий заинтересованный клиент. Он умел на удивление хорошо притворяться. Викторией это всегда давалось труднее: она начинала краснеть, а ее губы – дрожать.

Арроз вошел в ее жизнь очень необычно: они познакомились два года назад в интернете, в чате игры «Симс»⁵. В то время Викторией уже лечил доктор Макс, и ее жизнь постепенно налаживалась. После нескольких месяцев онлайн-общения она согласилась встретиться с Аррозом в закусочной. К такому решению ее подтолкнул врач, настаивающий на важности контактов с другими людьми.

Арроз почти сразу стал для нее лучшим другом. Ей нравилось, как он смеялся, расправив плечи и вздернув торчащий вперед подбородок, нравилась его увлеченность музыкальными группами и фильмами, о которых никто не слышал. А еще ей нравилось, как мало она знала о

² 198 см.

³ Ботафогу – один из районов Рио-де-Жанейро, расположенный в юго-восточной части города и населенный преимущественно представителями высшего и среднего класса.

⁴ Базз Лайтер – главный герой франшизы «История игрушек».

⁵ «Симс» (The Sims) – видеоигра в жанре симулятора жизни.

нем – только то, что он жил один в Копакабана⁶, учился на медбрата, но работал с техникой, а его главные увлечения – настольные игры и электроника. Она не знала никого из его друзей, не знала, на что он живет (ей самой с трудом удавалось оплачивать счета плюс расходы на дом престарелых из зарплаты официантки и пенсии двоюродной бабушки), и даже понятия не имела, какое у него настоящее имя. Арроз однажды попытался сказать, но Виктория заткнула уши. Каждый раз, когда он начинал говорить о себе чуть больше, она старалась сменить тему, чтобы у него не было права спрашивать о ее жизни.

Виктория всегда наслаждалась теми воскресными часами, которые они проводили вместе. Первое время она не хотела приходить к нему, но в конце концов уступила. Арроз готовил «фальшивый бефстроганов» (без мяса – только грибы и соус), включал наугад британский рок на полную громкость и направлял объектив своего телескопа «Грейка» в окно, чтобы рассматривать улицу, площадь и здания напротив. Это была такая игра: они разглядывали моющих окна горничных, играющего на саксофоне молодого человека, сидящую за компьютером женщину, собирающихся на пляж загорелых иностранцев и фантазировали, как живут все эти люди.

Виктория не помнила, с чего началась игра и кто ее придумал, но в какой-то момент они решили более пристально понаблюдать за жизнью других. Арроз устраивал осмотры сдаваемых в аренду квартир, причем только тех, где еще были жильцы. Виктории нравилось, ходя по комнатам, подмечать разные мелочи: потрескавшуюся шкатулку для драгоценностей с балериной на крышке; пару набитых свитерами чемоданов на полу; шкаф со стеклянными дверцами, за которыми выстроились в ряд хрустальные бокалы; футляр для виолончели. Домысливая детали, собирая сведения по крупицам, девушка кропотливо складывала в голове воображаемую мозаику жизни семьи. Она постепенно понимала, что их беспокоит, чем они гордятся, какие у них достижения и планы. Было так странно наблюдать за чужими историями, повседневной рутинной, прерванной необходимостью «показать людям дом»... За частной жизнью, выставленной напоказ, словно картины в сумбурном музее из спален, кухонь и ванных комнат. Виктория как будто надеялась заразиться «нормальностью» этих людей.

В то воскресенье их визит продлился чуть больше получаса. Под конец Арроз пообещал хозяйке связаться с ней, чего, разумеется, делать не собирался. Уже на улице они обменялись впечатлениями. Аррозу тоже показалось, будто женщину переехал трактор, но ему и в голову не пришло обвинять в этом мужа: дело наверняка в детях и искусстве.

– Может, она рисует с утра пораньше.

Как и всегда, ей приходилось заставлять Арроза говорить как можно больше в метро, чтобы не привлекать к себе его внимания. Она уже неплохо натренировалась, но для долгих прогулок ей пока что требовалась сосредоточенность. Когда они доехали до его станции, Арроз предложил немного поболтать в ближайшем баре. Было еще светло, и Виктория согласилась. Они заказали картофельные чипсы – самое дешевое в меню. Арроз раздумывал между коктейлем «Кайпиринья»⁷ и пивом, в конце концов выбрав последнее.

– А ты будешь, Вик?

– Я не пью, ты же знаешь.

– Давай, совсем чуть-чуть. Ради меня. Чтобы расслабиться.

Виктория терпеть не могла, когда он настаивал.

– Я сказала «нет».

Арроз пожал плечами и скрестил руки на груди, пока официант наполнял его стакан. Ей вдруг захотелось схватить официанта, отобрать бутылку и выпить одним махом, но пришлось сдержаться. Арроз здесь ни при чем: он не знал о ее проблемах с алкоголем. Она выпрями-

⁶ Копакабана – пляж и одноименный городской район в Рио-де-Жанейро.

⁷ «Кайпиринья» – бразильский коктейль из кашасы (разновидность рома), лайма, льда и тростникового сахара.

лась, поправила бант в волосах и попыталась думать о чем-нибудь другом, чтобы отвлечься от соблазнительного журчания жидкости, льющейся в стакан. Вскоре появилась тарелка с чипсами.

– Откуда взялось имя Бьянка? – поинтересовался Арроз.

– Оттуда же, откуда и Фелипе.

– Мне стало любопытно, потому что мою мать звали Бьянкой.

Виктории не хотелось развивать эту тему, и она лишь пожала плечами:

– Просто совпадение...

– Ага.

Несколько секунд Арроз задумчиво крутил стакан в руке.

– Вик, а ты собираешься когда-нибудь замуж?

– Разумеется, нет. – Она сразу ошетибилась. – Ни за что.

Это был сложный вопрос. Прийти в квартиру чужого человека, измученного двумя детьми, какими бы милыми они ни казались, недостаточно, чтобы захотеть жить так же. Она слишком хорошо знала, каково это – сначала иметь семью, а потом раз – и никого. Знала, каково это – лишиться всего в мгновение ока. У нее не было сил снова пройти через это.

Наблюдая, как Арроз потягивает пиво, Виктория жевала чипсы, пытаясь унять слюнки. Она уже давно не притрагивалась к алкоголю, но все равно находилась на грани, как будто завязала только вчера. Ей никогда особо не нравилось пиво, но во время своих самых страшных запоев она напивалась дешевой водкой и кашасой. Воспоминание о приторном вкусе и головных болях на следующий день вызвало тошноту. Ей пора было идти.

– Я пойду.

– Домой?

Виктория кивнула. Она жила в маленькой квартирке с одной спальней в районе Лапа. Ей там нравилось, но язык не поворачивался назвать это место своим домом.

– Поедем вместе, – предложил Арроз, допивая пиво. – Я собираюсь встретиться с друзьями неподалеку, у «Цирко Воадор».

Звучало это надуманно, но отвертеться никак не получалось. Ей нужно стать более гибкой, перестать делить свою жизнь на разные стороны, как постоянно советовал психиатр. Они вместе доехали на метро до станции «Синеландия», обсуждая телешоу и на ходу сочиняя истории про других пассажиров. Прошли мимо кинотеатра «Одеон», арки Лапа⁸ и остановились перед толпой у концертного зала «Цирко Воадор», рядом с киосками с едой и продавцами билетов.

– Спасибо за компанию. – Виктория ждала просвет в потоке машин, чтобы перейти авеню Мем-де-Са. – Увидимся.

Арроз загородил ей дорогу – огромный, как стена. Секунду он молча разглядывал ее. Потом оглянулся на людей, идущих к концертному залу, снова уставился на нее и печально произнес:

– Господи, Вик, ты столько раз бывала у меня дома... Неужели так и не пригласишь взглянуть на свое убежище?

Его фальшиво-беспомощный вид и жадный взгляд раздражали. Виктория сжала кулаки и мысленно сосчитала до двадцати, как научил доктор, и с силой вонзила обгрызенные ногти в ладони.

– Не хочу.

Арроз сделал шаг вперед, взял ее за руку. Их лица сблизились.

– Вик, у нас особая связь. Что мне нужно сделать, чтобы ты поняла это?

– Пожалуйста, прекрати...

⁸ Арка Лапа – двухъярусные арки, часть акведука Кариока в районе Лапа в Рио-де-Жанейро.

Он быстро притянул ее к себе и поцеловал, застигнув врасплох. Поцелуй длился всего секунду, но все ее тело словно вскипело – особенно там, где его губы коснулись ее губ. Виктория отвернулась и невольно заметила два мальчишеских силуэта в капюшонах на другой стороне улицы, которые фигурно выводили на стене слово «ОТСОСИ». Ею овладел такой поток негативных эмоций, что череп пронзила внезапная боль, а губы затряслись.

– Ты – чудовище! – выкрикнула она, оттолкнув его.

Арроз споткнулся и упал на тротуар рядом с нищим, дремавшим под аркой Лапа. Виктория бросилась прочь без оглядки. Налетела на компанию пьяных парней, заготовивших из-за ее спешки, и чуть не попала под мчавшуюся машину возле автозаправки на улице Риачуэло. Она шла мимо расписанных граффити стен, вверх по плохо освещенным склонам, мимо перекрестков, отвратительно вонявших мочой. Мысли путались. Все это не сулило ничего хорошего. Нужно держать себя в руках, но после поступка Арроза это было невозможно. Виктория хотела позвонить доктору Макс, но быстро передумала. Сняла латунное обручальное колечко и швырнула его в канализационный люк.

Добравшись до своей квартиры, Виктория, не раздеваясь, направилась в душ. Даже под горячими струйками она чувствовала себя взвинченной. Схватила кусок мыла и, привалившись к стенке, энергично растерла кожу. И, не в силах сдержаться, разрыдалась, согнувшись пополам под напором воды, пока пена стекала с тела и спиралью исчезала в канализации.

2

Ночь выдалась беспокойной. У нее начались обильные месячные, и спазмы словно выворачивали матку наизнанку. Виктория металась по кровати и до рассвета вставала раз пять – то в ванную, то попить, то просто пройтись по квартире. А когда ей все-таки удалось заснуть, приснился кошмар, где за ней наблюдали тысячи глаз. Она проснулась с криком, в холодном поту, а шею странно сдавило, будто что-то застряло в горле.

Когда взошло солнце, она обнаружила на мобильнике бесконечные сообщения от Арроза – все с извинениями. Ей не хотелось ни с кем разговаривать, и она подумывала пропустить назначенный прием; но это могло усугубить ситуацию и испортить всю неделю, которая только началась. Сидя на унитазе, она достала окровавленный тампон, стараясь не смотреть на него. Быстро приняла душ и, одеваясь, невольно взглянула в зеркало, отчего стало только хуже. Виктории совершенно не нравилась собственная внешность: голубые глаза, мешки под ними, квадратное лицо с широкой челюстью. Очки в толстой оправе заставляли чувствовать себя еще менее женственной. Кожа слишком бледная (к тому же красные пятна по всему телу), а сто пять фунтов веса распределены по фигуре ростом в пять футов и пять дюймов⁹ – ну просто скелет. И все это продемонстрировало зеркало.

Над раковиной она выполнила ежедневный «ритуал отравления»: хлордиазепоксид¹⁰ – пятьдесят миллиграммов; кветиапин¹¹ – пятьдесят миллиграммов; вальпроевая кислота¹² – семьсот пятьдесят миллиграммов; венлафаксин¹³ – пятьдесят миллиграммов; рисперидон¹⁴ – один миллиграмм. Волшебное зелье доктора Макса. Проглотила все и запила стаканом воды.

Взяла мобильник, джинсовый рюкзачок, лежащего на кровати Абу и пошла на кухню. Часы на микроволновке подтвердили: она опаздывает. Виктория залпом выпила стакан молока и положила в рюкзачок два мятых банана, чтобы перекусить на работе в перерыв. Чмокнула Абу, оставив его на столике у входа, захлопнула дверь и, держась за перила, слетела по четырем лестничным пролетам так быстро, как только могла. В большинстве домов в этом районе не было ни лифта, ни консьержа, но в этом есть свои преимущества: меньше шансов с кем-нибудь столкнуться. Соседи вели себя тихо и держались особняком, занятые своей жизнью. Виктория знала, что на ее этаже обитают слепой мужчина, две сестры из города Гояния и три проститутки разного возраста, работавшие в мотеле на углу с неоновой вывеской. И мужчина-проститутка, который однажды спросил, можно ли одолжить у нее блендер.

Понедельник выдался пасмурным. Она опаздывала, но решила выбрать длинный путь, чтобы не идти мимо того места, откуда вчера вечером сбежала от Арроза. Опустив голову, миновала поворот на улицу Лаврадио, сторонясь тротуара, наводненного зловонной толпой потных офисных менеджеров, женщин с огромными сумками и уличных торговцев, вопящих во все горло, подобно средневековым трубадурам. Виктория не понимала любителей пошуметь. По правде говоря, она немного побаивалась их, а страх вызывал раздражение. Порочный круговорот эмоций.

Даже бегом ей понадобилось двадцать минут, чтобы добраться до кабинета врача. За последние три года доктор Макс стал неотъемлемой частью ее жизни. Доктор Жуан Карлос, психиатр, лечивший ее с детства, погиб в аварии, и Виктория еще глубже увязла в своем горе.

⁹ Вес – 48 кг, рост – 168 см.

¹⁰ Хлордиазепоксид – транквилизатор.

¹¹ Кветиапин – нейролептик от шизофрении и биполярного расстройства.

¹² Вальпроевая кислота – противоэпилептический препарат.

¹³ Венлафаксин – антидепрессант.

¹⁴ Рисперидон – антипсихотическое средство.

Она даже лишилась работы бармена в ресторане (владелец заметил, что бутылки с водкой опустошались слишком быстро, и вскоре обнаружил, что после каждой поданной клиенту рюмки Виктория сама выпивала две). Тогда ее дни были омрачены похмельем. Она не представляла, что стало бы с ней сейчас, если бы не доктор Макс.

Однажды вечером в тот мрачный период жизни Виктория вернулась в свою старую квартирку в районе Санто-Кристо и захотела стакан теплого молока, но заснула на диване, забыв про кастрюльку на плите. Она не проснулась, даже когда от искры загорелась кухонная вытяжка. Пластик расплавился, и огонь быстро распространился по всему помещению. Сосед вовремя учуял запах гари и вызвал пожарных. Через несколько дней ей в больницу позвонил доктор Макс. Последние крупницы инстинкта самосохранения заставили ее ответить и согласиться на встречу в «Макдоналдсе» на площади Ларго-да-Кариока.

– Меня очень заинтересовал ваш случай, – сразу перешел к делу доктор. – Я изучаю влияние детских травм на психическое и физическое состояние взрослых людей. Честно говоря, это не такая уж редкость. Есть тысячи случаев жестокого или дурного обращения с детьми, у которых в результате развились биполярное расстройство, депрессия, алкоголизм... Об этом написаны целые исследования. Но я не собираюсь заново изобретать велосипед, а просто желаю получше изучить проблему. Ни в коем случае не хочу умалить чей-то травмирующий опыт, но я специализируюсь на более... экстремальных случаях. На детях, которые пережили трагедии, подвергались особо жестокому физическому или психологическому насилию. Сейчас я лечу Лоренко, сына Вампира из Кашиаса, а еще Сэмюеля из Лидо. Вы наверняка их помните.

Конечно, она помнила. Те две истории часто упоминали журналисты, описывая ее собственное прошлое. В 2005 году телепрограмма «Фантастико» подготовила специальный выпуск с графиками и таблицами, где проанализировала сходство этих трех случаев жесточайшего обращения с детьми.

Вампир из Кашиаса был серийным убийцей, орудовавшим в бедных пригородах Рио-де-Жанейро в начале 1990-х. Он обезглавливал женщин и исчезал вместе с их головами. Пять лет все жили в страхе, пока полиция не выследила преступника – сорокалетнего овдовевшего механика, который жил с сыном в домишке в Дуки-ди-Кашиас¹⁵. В задней части дома он проводил сатанинские ритуалы, выпивая кровь жертв и прибивая их глазные яблоки гвоздями к стенам, – чудовищное злодейство.

В гараже полиция обнаружила более двадцати сгнивших черепов, выставленных в ряд: своеобразное святилище. Газеты писали, что убийца заставлял участвовать в ритуалах своего десятилетнего сына. Виктория хотела было спросить психиатра, правда ли мальчик пил кровь вместе с отцом, но сдержалась.

Случай в Лидо произошел после ее собственного. Об этом стало известно в апреле 2000 года. Ребенка бездомной женщины незаконно усыновила пожилая пара из среднего класса, жившая на площади Лидо в Кобакабане. С маленьким Сэмюелем обращались как со зверенышем: давали ему корм для домашних животных, заставляли мочиться и испражняться на газеты в кладовке и спать в конуре с двумя карликовыми пинчерами и чихуахуа. Мальчика вынуждали ползать на четвереньках, надев на него поводок, и регулярно били. Когда после звонка соседей в квартиру пришла полиция, то обнаружила одиннадцатилетнего Сэмюеля свернувшимся калачиком в углу, дрожащим и лающим без остановки. Он не умел ходить на двух ногах и разговаривать. Он вообще не считал себя человеком.

– Уверен, никто не позаботится о вас лучше меня, Виктория, – сказал тогда доктор Макс. – И вам это ничего не будет стоить. Вы нужны мне не меньше, чем я – вам.

Если он лечил Лоренко – мальчика, пившего чужую кровь, и мальчика-собаку Сэмюеля, то, наверное, поможет и ей. Виктории понравились его прямота, отсутствие пустых обещаний

¹⁵ Дуки-ди-Кашиас – город и муниципалитет на юго-востоке Бразилии в штате Рио-де-Жанейро.

или эмоционального шантажа. Уже на следующей неделе они приступили к ежедневным сеансам, а через год стали встречаться по понедельникам, четвергам и пятницам. Согласие на это лечение оказалось лучшим решением в ее жизни.

Его кабинет для консультаций находился на восемнадцатом этаже офисного здания на улице Овидор. Ровно в семь тридцать Виктория позвонила в дверь и мысленно начала обратный отсчет. Доктор появился в глазке и повернул задвижку, когда она досчитала до одиннадцати.

– Рад видеть тебя, Вик, – как всегда приветливо произнес он.

После вчерашнего девушка не хотела приближаться к людям. Скрестив руки на груди, она зашла в кабинет, уселась в кресло под большими окнами и стиснула лежащий на коленях рюкзачок.

Доктор Макс молча закрыл дверь, не сводя с Виктории глаз. Высокий, хорошо сложенный, со смуглой кожей – такой гладкой, словно после нескольких пластических операций, – с очень густой бородой и длинными блестящими седыми волосами, доктор всегда носил светлое; сегодня – серые брюки и обтягивающая широкие плечи белая рубашка. Его строгий вид успокоил Викторию, и она убедилась, что поступила правильно, не пропустив сеанса.

– Сегодня без бантика? – поинтересовался Макс, закинув ногу на ногу.

Виктория потрогала волосы. *Вот дерьмо!* Она выскочила из дома в таком состоянии, что забыла про бант. Поправив волосы, медленно опустила руку в попытке скрыть удивление.

– Я решила, что пора что-то менять.

Наглая ложь, но доктор не собирался спорить.

– Перемены – это всегда хорошо. Особенно в понедельник. Уж точно лучше, чем в пятницу.

Помимо седых волос, доктор Макс обладал старомодным чувством юмора, хотя ему было лет тридцать пять – сорок. Он взял со столика блокнот, положил на колени и открыл, держа ручку наготове.

– Ты выглядишь рассерженной. Что-то случилось?

– Ничего особенного.

В комнате повисла неуютная пауза. Психиатр знал, что она снова врет: это было заметно по тому, как его черные глаза быстро пробежали по ее лицу. Со временем Виктория тоже научилась понимать язык тела и внимательнее следить за своими жестами. Но как бы она ни старалась держать себя в руках, иногда невозможно не кусать ногти, не дергать плечами и не поджимать губы. Все это выдавало ее.

Виктория сидела прямо, сведя колени вместе, как хорошо воспитанная ученица. Она нервничала и пыталась сосредоточиться на белой рубашке доктора Макса. Из пуговицы под воротником торчала нитка. От этой мелкой неряшливости ей стало еще неуютнее. Психиатр молчал, пока Виктория не решилась заговорить первой. Она контролирует беседу, и нет причин скрывать то, что случилось накануне. В конце концов, он должен помогать ей как раз в таких случаях.

Поджав губы, Виктория призналась, что встретила с Аррозом и побывала еще в одной квартире с жильцами, как обычно по воскресеньям. Они с доктором никогда не обсуждали эту тему, но он наверняка осуждает ее привычку и уже сделал выводы. Так или иначе, Виктория закончила рассказ тем, как Арроз проводил ее до Лапы, а на прощание насильно поцеловал. Она старалась говорить спокойно и не торопясь, не выказывая гнева, который все еще распирал ее. Доктор Макс всегда говорил, как важно научиться контролировать свои эмоции.

– И что ты почувствовала?

Виктория вздохнула:

– Мне не кажется, что я слишком бурно отреагировала. Арроз повел себя как придурок.

– Ты злишься из-за его поступка или из-за того, что он собой представляет?

– О чем ты?

Лицо доктора оставалось непроницаемым.

– Я вовсе не собираюсь заступаться за твоего приятеля, Вик. Разумеется, он поступил неправильно, насильно поцеловав тебя. Очень неправильно. – Психиатр положил ручку на маленький столик, как будто не собирался больше ничего записывать. – Но проявление интереса со стороны мужчины... беспокоит тебя?

– Я не хочу, чтобы кто-то что-то ко мне проявлял.

– К сожалению, это от тебя не зависит. Интересоваться другими людьми вполне естественно.

Виктория не считала, что сама как-то спровоцировала Арроза. И думала то же самое о мужчинах, которые пялились на ее маленькую грудь под блузкой униформы или болтали с ней, пока она подавала им капучино и блинчики: они флиртовали с любой женщиной у себя на пути.

– Я даже не знаю, как общаться с мужчинами.

– Вик, ты уже много лет общаешься со мной.

Она подняла глаза, вытирая вспотевшие ладони о штанины. Доктор Макс был для нее не мужчиной, а врачом. Это совсем разные вещи.

– Поэтому важно четко уяснить, что у других людей нет причин совсем не интересоваться тобой, – продолжал он, понизив голос.

– Я ни с кем не готова вступать в отношения. Я не готова даже заводить друзей.

Доктор Макс откинулся на спинку кресла. Сцепил руки на животе, заглянул в свой блокнот и, поколебавшись, снова взял его в руки. В комнате стало ощутимо прохладнее. Волосы на руках Виктории встали дыбом. Она надеялась, что сеанс подходит к концу.

– А что насчет девушки, которая работает с тобой в кафе? Марго? Ты как-то говорила, что она хорошо к тебе относится.

Виктория пожала плечами. Марго была немного старше (наверное, ей лет двадцать шесть). Она работала за стойкой: отвечала за поступавшие из кухни заказы и передавала подносы официанткам. Смуглое лицо, длинные волосы, широкая улыбка. Как-то вечером в разгар летней грозы Марго подбросила ее до дома. За время поездки, длившейся не больше пятнадцати минут, девушка рассказала всю историю своей жизни, включая подробности о нескольких парнях – какие они в постели и как научиться наслаждаться анальным сексом. Марго даже посоветовала, как убедить парня согласиться на секс втроем с другим мужчиной. Виктория всю дорогу молчала, представляя, каково это – иметь подругу, и такая идея ей совершенно не понравилась. Подруги делятся друг с другом всем: событиями, переживаниями, желаниями и кучей других вещей, которые она не собиралась никому рассказывать. К тому же жизнерадостность и привязчивость Марго били через край. Она была *слишком* счастливой.

– Не стоит о ней.

– А тот писатель, который иногда заходит в кафе? – спросил психиатр. – Ты не раз упоминала его. Он вроде бы милый, и ему нравится та же музыка, что и тебе.

– О чем мне с ним говорить? О смерти? О моей дерьмовой жизни?

– Не нужно стыдиться прошлого.

– Он смеется, как только я начну рассказывать. Для него я просто очередная официантка, с которой он время от времени болтает.

– Ну и что? Вам же необязательно ложиться в постель. Тебе было непросто решиться на встречу с Аррозом, так? И как давно это было? Больше года назад? Может, пора попробовать познакомиться с другими людьми, преодолеть свой страх...

Это начинало раздражать. Кажется, Макс пытался ее спровоцировать.

– Я не боюсь. Дело не в страхе, он всегда был ни при чем...

Доктор ожидал продолжения, но Виктория замолчала. Очередное вранье. Она посмотрела на часы – сеанс должен был закончиться две минуты назад, – с облегчением встала и уже начала надевать рюкзачок.

- Пока ты не ушла, еще один вопрос... Помнишь, раньше я записывал наши встречи?
- Конечно. А что?

Макс подошел к письменному столу, открыл третий ящик сверху и пробежался длинными пальцами по ряду маленьких кассет, рассортированных по датам. Виктория всегда считала его старомодным за пристрастие к магнитофону вместо мобильного, но никогда ничего не говорила. Старомодность даже шла ему. Через несколько минут психиатр нашел нужную кассету и помахал ею в воздухе.

- Вот запись нашей первой консультации. Не против, если включу?
- Мне пора на работу.
- Я включу только самый конец. Думаю, тебе важно это услышать. Совсем недолго.

Доктор достал из ящика магнитофон, вставил кассету и быстро перемотал вперед, несколько раз останавливаясь, чтобы понять, дошел ли до нужного места. Виктория слышала обрывки фраз, отрывочные вопросы. Она снова села, прикрыв глаза и сцепив руки за спинкой стула. Похоже на возвращение в прошлое. Запись сделана всего несколько лет назад, но она как будто слушала другого человека. Тогда ей исполнился двадцать один год, и ее голос все еще был тонким и неуверенным, как у ребенка, а из-за выпитого она говорила сбивчиво.

Макс наконец нашел нужное место. Его мощный голос, прерываемый потрескиванием магнитофона, стал громче:

- А зачем, по-твоему, люди занимаются сексом, Вик?
- Пятнадцать секунд тишины. И ее ответ пьяным голосом:
- Чтобы почувствовать боль.

3

Сидя за столиком в баре «Амарельино» на площади Синеландия, Виктория уже успела пожалеть о своем решении. Парень напротив нее уставился в меню, а она комкала на коленях салфетку и сама удивлялась, как здесь оказалась. Череду ошибок, смятение и, возможно, небывалое расположение звезд заставили ее принять приглашение Джорджа сходить куда-нибудь после работы.

До сих пор он ничего для нее не значил: просто незнакомец, который появлялся в кафе почти каждый день. Джордж приходил рано, всегда выбирал один и тот же столик в углу, рядом с большими окнами и розеткой, к которой подключал ноутбук, и часами печатал, слушая новые плейлисты на «Спотифай»¹⁶. Каждый раз, когда она подходила подлить ему кофе или предложить какую-нибудь вкусную выпечку – только что из духовки, – он сворачивал вордовский файл, вешал наушники на шею и начинал болтать о том о сем. Наверное, просто неудавшийся сценарист или один из тех парней, которые зарабатывают на жизнь, публикуя всякую чушь в соцсетях. Он всегда платил наличными, поэтому она не знала его имени и про себя называла «писателем».

Подошедший официант спросил, готовы ли они сделать заказ.

– Я не голодна, – ответила Виктория. Понедельники были самыми загруженными днями в кафе «Моура». Сегодня она работала с утра до позднего вечера, а во время перерыва проглотила котлету и два банана из рюкзака. Она ела в такой спешке, что теперь чувствовала себя раздувшейся, как шар. – Ты будешь что-нибудь?

– Я тоже не голоден. – Джордж положил локти на стол. – Хочешь пива?

– Я не пью. А тебе не повредит.

– Тогда что тебе заказать?

– Кока-колу.

– Отлично! Мне тоже пинту кока-колы! – Джордж рассмеялся и вернул меню официанту. – Я так счастлив, что ты согласилась пойти со мной...

Виктория опустила глаза и подавила желание погрызть ногти. Ее пальцы были покрасневшими, почти полностью ободранными. Чтобы избежать неловкого молчания, она спросила, над чем он работает каждый день в кафе, ведь именно так обычно люди заводят светскую беседу. Разнося подносы между столиками, Виктория слышала обрывки разговоров, заключаемых сделок, встреч старых друзей, неудачных признаний в любви. Если повезет, вечер закончится раньше, чем Джордж успеет спросить ее о чем-нибудь личном.

А вот сам он был совсем не прочь рассказать о собственной жизни. И не просто «не прочь»: трещал без умолку, перескакивая с одной темы на другую, сильно жестикулируя и одновременно подпрыгивая на стуле. Его губы быстро двигались, но Виктория не обращала на это внимания. У барной стойки было полно народу. Кислый пивной запах одновременно вызывал тошноту и искушал. Доносившийся из зала шум окончательно убедил: все плятятся именно на нее. Едва начавшееся свидание быстро катилось под откос. Все, чего ей хотелось, – лежать на диване в обнимку с Абу и смотреть по телевизору мультики. Когда Джордж отлучился в туалет, она уже подумывала встать и тихо сбежать.

Официант принес банки с колой и два стакана со льдом и лимоном. Джордж налил себе, продолжая бессвязно болтать. Очевидно, он сам толком не знал, что делать на первом свидании; не то чтобы Виктория хорошо в этом разбиралась, но признаки распознать могла. В конце концов она пришла к выводу, что приняла его приглашение как мелкую месть Аррозу. И ей стало еще противнее.

¹⁶ «Спотифай» – стриминговый сервис с музыкой и аудиокнигами.

– Эй, ты меня слушаешь? – Джордж поднял полный стакан, и она машинально подняла свой.

– За что выпьем? – поинтересовался он. Виктория на секунду задумалась.

– За Дэвида Боуи.

– Что?

– Тебе не нравится Боуи?

– Нравится, но... Почему он?

– Потому что мне он тоже нравится. В этом мы сходимся.

Виктория залпом выпила стакан и налила новый, опустошив банку. Кока-кола помогала ей не уснуть и поддерживать видимость интереса к болтовне Джорджа.

– Расскажи побольше о себе, – попросила она.

– Так, на чем я остановился? – задумался он, но быстро вспомнил. – Лондон... Тогда мне было двадцать девять. Так называемое возвращение Сатурна... говорят, люди в этом возрасте сильно меняются. Я поехал в Лондон «на честном слове и одном крыле»¹⁷. Постоянно питался рыбой и картофельными чипсами, жил на верхнем этаже студенческой общаги черт-те где. Настоящий ад на земле, но одновременно и рай. Я надеялся подтянуть английский и зарабатывать на жизнь написанием пьес и статей для журналов. В конце концов устроился на работу в местный книжный магазин, подкопил денег, но все равно у меня ничего не получилось. К тому же я совершенно не переношу холода.

Виктория почувствовала, что это еще не все.

– Значит, ничего не вышло?

– Потом я стал встречаться с одной англичанкой... – Джордж начал дергать правой ногой: малозаметное, но о многом говорящее движение. – Элисон. Она художница. Красивая, интересная. Мы влюбились друг в друга. Во всяком случае, я влюбился и какое-то время жил с ней. Стал более собранным и даже сел за книгу.

Виктория тоже хотела написать книгу. Она несколько раз начинала, но то запутывалась в сюжетных линиях, то разочаровывалась в персонажах, слишком похожих на нее саму. И через какое-то время все бросила.

– А потом она променяла меня на иранца, которого встретила на выставке накануне нашей четвертой годовщины, – продолжил Джордж.

– И ты вернулся в Бразилию.

– Ага. – Он допил кока-колу, подозвал официанта и заказал еще.

Очевидно, ему все еще больно. В каком-то смысле Джордж выглядел типичным недовольным жизнью писателем: слегка растрепанные волосы, очки в толстой оправе, щетина, рубашка с закатанными до локтей рукавами. И в то же время в нем было что-то юношеское, какая-то ребяческая откровенность – редкость среди художников и интеллектуалов, обычно таких капризных и надменных. Джордж без утайки отвечал на любые вопросы и рассказывал все в подробностях, словно они близкие друзья и им нечего скрывать друг от друга.

– Иногда я перевожу внештатно, например, какие-нибудь инструкции, – продолжил он. – И отлично разбираюсь в сантехнике, если тебе вдруг что-то понадобится. Я решил взять двухлетний творческий отпуск, чтобы закончить роман, пока были деньги. Но вот время и деньги почти на нуле, а впереди еще куча работы. Кто знает, чем все закончится, но я должен попытаться... Все или ничего.

Виктории нравилось, как он говорил – быстро, обстоятельно, словно боясь что-нибудь упустить. Когда в потоке слов наступала пауза, она походила больше на жалость к самому себе, чем на оправдание. Всякие мелочи, детали, которые обычно раздражали Викторию в людях,

¹⁷ Цитата из песни Comin' In on a Wing and a Prayer, впервые прозвучавшей в США в 1942 г.; в России песня известна в переводе Т. Сикорской и С. Болотина под названием «Бомбардировщики».

у Джорджа выглядели естественными. Его было легко прочесть: обычный парень с обычными проблемами, воспринимающий собственную жизнь как греческую трагедию. Но он понятия не имел, что такое по-настоящему гребаная жизнь.

Желание сбежать заметно поубавилось. Виктория почувствовала себя такой расслабленной, что зевнула.

– Да, знаю. – Джордж улыбнулся. – От рассказов о моей жизни людей клонит в сон.

Он явно был хорош в самоиронии. Наверное, это такой защитный механизм.

– Извини. Нет, дело совсем не в этом, я просто устала. – Она потерла глаза. – А почему ты ходишь в кафе, где я работаю?

– Конечно, чтобы увидеть тебя. Это судьба.

– Нет, серьезно...

– Мне нравится работать в помещении с большими окнами. Наблюдать за прохожими, представлять, откуда и куда они идут...

Виктории захотелось рассказать об их с Аррозом игре, но она решила не смешивать два разных мира.

– Кроме того, важно иметь причину одеваться по утрам. Я живу один. Дома мне лень снимать пижаму и переодеваться во что-то другое, и роман особо не продвигается. Кафе «Моура» выбрал случайно. А то, что там работаешь ты, еще один плюс.

– Почему ты всегда платишь наличными?

Этот вопрос явно застал его врасплох.

– Наблюдательная, да? Я не доверяю кредиткам. Можно запросто потратить кучу денег, даже не заметив этого. По этой же причине я больше не сижу в соцсетях. Время – деньги.

Его улыбка была искренней. Она сразу поняла это. Джорджа нельзя было назвать красавцем, но его густые черные волосы хорошо смотрелись на фоне смуглой кожи, а еще ей нравилось, как он щурится во время разговора.

– Меня тоже нет в соцсетях. И никогда не было. – «Только по другим причинам», – мысленно добавила Виктория.

– Значит, ты тоже необычная... – Джордж рассмеялся, сунул руку в карман и достал старенькую «Нокию». – Этот кирпич годится только для звонков и эсэмэсок. Когда люди видят его, то смотрят на меня как на инопланетянина.

– А что за книгу ты пишешь?

– Мне обязательно отвечать на этот вопрос?.. Только под дулом пистолета.

– Не стоит.

Повисшее молчание подсказывало ей уходить. Судороги возвращались с новой силой.

– Думаю, мне пора.

– Уже? Я ведь даже не начал расспрашивать вас, *юная сеньорита*.

– Сегодня никаких расспросов... *юноша*.

– Но зачем так спешить? Твои родители рассердятся, если ты вернешься поздно?

– У меня нет родителей. – Виктория стиснула кулаки, подняла голову и уставилась на Джорджа. Ей хотелось увидеть его реакцию. – Они давно умерли.

– Господи, серьезно? Я... Мне так жаль... – Джордж уставился на пакетики с сахаром на столе.

– Серьезно... – Виктория вдруг почувствовала неописуемое удовольствие от того, что тычет Джорджа носом в *настоящие* проблемы. Разве его жизнь может сравниться с тем, что случилось с ней? – Мои родители руководили школой на Острове Губернатора¹⁸. Однажды в наш дом ворвался парень с мачете и зарубил их обоих. И моего брата тоже. А потом разрисовал их лица черной краской.

¹⁸ Остров Губернатора – муниципальный район в Рио-де-Жанейро, самый крупный остров в заливе.

– Разрисовал?

– Да. Разрисовал.

Джордж вцепился в столешницу, словно в поручень безопасности на американских горках.

– Выжила я одна, – закончила рассказ Виктория.

– А того парня арестовали?

– Той же ночью. Его звали Сантьяго, и он учился в школе моих родителей. Ему было семнадцать. Он состоял в молодежной банде. Газетчики прозвали его Таггер¹⁹.

– Сколько тебе тогда было?

– Четыре года. Я мало что помню.

– Ну и история... – Джордж явно чувствовал себя неловко.

– В общем, я сирота. Фамилия нашей семьи Браво. Ты наверняка слышал.

– Громкое дело? Как у семьи Рихтгофен²⁰?

– Это случилось раньше, в девяносто восьмом. Пресса была в восторге. Семья директора школы, женатого на учительнице математики, убита в собственном доме их же учеником.

– Прости, я... я не знал.

«Похоже, не все сталкиваются с подобным, доктор Макс...»

Джордж пристально изучал ее, словно препарировал зверушку в анатомической лаборатории. Он явно волновался, хотя и пытался это скрыть.

– Почему этот парень поступил так? То есть... пришел в ваш дом и...

Виктория пожала плечами:

– Я тогда была маленькой. Меня не посвящали в подробности дела.

– И ты никогда не пыталась выяснить?

– Зачем? Все в прошлом.

В детстве и юности она подробно обсуждала это с доктором Карлосом. Тот не сомневался: лучший вариант – двигаться дальше. Теперь рассказывать собственную историю было все равно что пересказывать чье-то чужое прошлое или обсуждать увиденную по телевизору трагедию. Виктория больше не чувствовала эмоциональной связи с тем, о чем говорила.

– А где была ты, когда все случилось?

– Дома.

– Когда туда вломился убийца?

– Да.

– Значит, ты присутствовала при всем этом?

– Когда Сантьяго убил мою семью и разукрасил их лица? Да, я была там.

Виктория вздохнула и едва заметно улыбнулась – той самой улыбкой, за которой, по словам доктора Макса, она пряталась от всего мира. Это было неизбежно. Когда она поняла это, ухмылка уже приклеилась к ее лицу. Скулы заломило, ноздри раздулись. Она знала, о чем сейчас хочет спросить Джордж, словно вопрос был написан у него на лбу. Последние двадцать лет Виктория задавала себе тот же самый вопрос: почему? Почему убийца не пошел до конца? Почему он оставил в живых только ее?

Джордж нашел более тактичный способ затронуть эту тему:

– Он не причинил тебе вреда?

– Со мной ничего не случилось, – соврала Виктория. Были границы, которые она не хотела переходить. Пожевала лед из своего стакана, чувствуя легкий привкус лимона. – Может, попросим счет?

¹⁹ Таггер – пренебрежительное название граффитиста, чье творчество состоит в проставлении собственного тэга – подписи.

²⁰ Речь идет о резонансном в Бразилии деле об убийстве Сюзан Луизой фон Рихтгофен (р. 1983) своих родителей (31 октября 2002 г.) руками своего бойфренда и его брата. В 2006 г. она была приговорена к 40 годам тюремного заключения.

– Конечно-конечно...

Они молчали, пока официант не рассчитал их.

– От моей истории людей точно не клонит в сон! – заметила она на прощание.

– Было приятно познакомиться с тобой поближе, Виктория. И... Мне правда очень жаль.

Он легонько дотронулся до нее, и Виктория не стала отдергивать руку. Они простояли так несколько секунд, пока Джордж не направился к метро. Виктория смотрела, как он не оборачиваясь спускается по ступенькам на станцию. Она была уверена, что Джордж навсегда исчезнет из ее жизни – перестанет ходить в кафе «Моура» и выберет другое место, чтобы работать над романом. А через несколько месяцев со смехом расскажет друзьям, как встретил одну сумасшедшую и еле спасся.

Несмотря ни на что, Виктория развеселилась. Ей нравилась ночная Синеландия²¹ – подсвеченный Муниципальный театр, летающие вокруг голуби и клянчащие мелочь музыканты. Она надела наушники. Ночью улица не так переполнена, а уличные торговцы уже ушли, поэтому большую часть пути Виктория шла по тротуару, избегая темных мест и опасаясь малолетних карманников, которых в этой части города становилось все больше.

Вечер прошел лучше, чем она ожидала. Джордж оказался приятным собеседником, хотя и немного обиженным на весь мир. Во время разговора он не был таким напористым, как Арроз: не спрашивал, почему она не пьет, не задавал неудобных вопросов и не собирался провожать ее домой в нелепом порыве рыцарства. Может быть, именно поэтому она почувствовала себя достаточно непринужденно, чтобы все ему рассказать. Только сейчас до нее дошло, что она открыла постороннему человеку свое прошлое, о котором ни разу не говорила Аррозу за несколько лет их дружбы.

Дома она направилась прямо в спальню, села на кровать и сняла брюки, напевая про себя Killer Queen²². Виктория слишком устала, чтобы принять душ, и решила отложить до завтра. Сейчас Джордж наверняка уже «гуглит» все подробности ее жизни: фотографии с места преступления, видео соседей, излагавших свою версию событий, подробные отчеты. Наплевать. Открыто выложить все хотя бы раз оказалось приятно.

Но это была не вся история. Есть кое-что, о чем не знает никто – даже доктор Макс. В свое время газеты не написали об этом, а с годами Виктория так тщательно отрепетировала свою версию, что никто не сможет заподозрить, будто она что-то умалчивает. Теперь, лежа в постели, девушка отстегнула протез левой ноги, крепящийся к нижней части бедра, прислонилась у изголовья кровати и легла спать, думая о Джордже и тех приятных мелочах, которые так привлекали ее в нем.

²¹ Синеландия – популярное название одной из центральных площадей Рио-де-Жанейро. Официальное название – площадь Флориану Пейшоту, в честь второго президента Бразилии Флориану Пейшоту.

²² Killer Queen – знаменитая песня английской рок-группы «Куин».

4

Ложка. Еще ложка. И еще одна. Виктория наблюдала, как тетя Эмилия ест. Приподнявшись на кровати, старушка причмокивала сморщенными губами и смаковала йогурт во рту, прежде чем проглотить его. Она смотрела на внучатую племянницу с заговорщической улыбкой, словно они совершали тяжкое преступление. Время от времени капля стекала по ее подбородку и падала на мятую ночную рубашку, но это нисколько ее не волновало.

– А еще что-нибудь есть? – спросила она, закончив.

Виктория кивнула, достала из рюкзака новый стаканчик с йогуртом и сорвала крышку обкусанным ногтем.

– Ты так добра ко мне, милая, – благодарно произнесла тетя Эмилия. Она по привычке поправила редящие волосы, взяла стаканчик и стала молча есть, облизывая ложку. Ее безмятежность, удовольствие от простого клубничного йогурта, купленного в магазине на углу, приободряли. Навещать тетю Эмилию по средам – в свой выходной в кафе – наименьшее, что Виктория могла сделать после случившегося.

В ту ночь, когда Таггер ворвался в дом, девочка позвонила двоюродной бабушке, умоляя о помощи. Тетя Эмилия примчалась в считанные минуты (она жила всего в трех кварталах) и нашла племянницу на диване, без сознания и всю в крови. Увидев последствия жуткой бойни, Эмилия сумела быстро взять себя в руки. Она оберегала Викторию, когда журналисты предлагали большие деньги за интервью и фотографии перепуганной девочки, чтобы разместить их на первых полосах газет. Ни одного реала не взяла у этих стервятников. Все месяцы, которые девочка провела в больнице, тетя была рядом с ней, а потом забрала ее домой и заботилась о племяннице. Эмилии пришлось продать школу, чтобы не остаться совсем без денег. Здание стало бешено популярным, а позже было перепродано и превращено в одну из евангельских церквей – Универсальную церковь Царства Божьего. А дом, где все произошло, не могли продать много лет, пока кто-то из соседей не купил его по смехотворной цене.

В 2014 году произошел несчастный случай. Поливая в гостиной растения на подоконнике, Эмилия отвлеклась, запнулась об ковер и упала, сломав шейку бедра. Вернувшись с работы, Виктория нашла тетю без сознания и сразу вызвала «Скорую». После сложной операции врач сообщил, что Эмилии какое-то время придется пользоваться костылями. Если ей станет лучше, через несколько месяцев она сможет перейти на трость, но уже никогда не будет ходить как раньше. Виктория была очень близка к тому, чтобы лишиться двоюродной бабушки. Она вдруг столкнулась со страшной перспективой остаться в этом мире совершенно одной.

Виктория пораньше взяла отпуск, чтобы ухаживать дома за тетей. Скоро обеим стало ясно: девушке нужно вернуться на работу, иначе она потеряет ее. Эмилия сама решила перебраться в дом престарелых. Поначалу такая идея показалась Виктории бредовой, но это было вполне закономерно: тетя Эмилия заботилась о ней всю свою жизнь, теперь Виктория должна отплатить ей тем же.

Девушка очень плохо перенесла ее переезд в дом престарелых в районе Катете. Она чувствовала себя брошенной и перестала ходить к психиатру. А без присмотра доктора Карлоса и тети стала все больше и больше пить – и на работе, и по ночам в барах района Лапа, – пока однажды не очнулась на тротуаре под палящим полуденным солнцем; у нее был солнечный ожог, и ломило все тело. Прохожие думали, что она бездомная. Ее доставили прямоком в больницу с солнечным ударом и обезвоживанием. Едва Виктория выписалась, как снова принялась за старое.

Прошло уже несколько лет, но она до сих пор считала неправильным, что тете приходилось жить в таком душном месте: с узкими коридорами, резким запахом одеколona, ток-шоу с утра до ночи по маленькому телевизору и безвкусным супом на ужин. К тому же ее беспокоили

все эти старики-маразматика, которые стонали в своих комнатухах или выкрикивали всякий бред. Но жизнь вообще несправедлива; Виктория поняла это слишком рано.

Когда тетя Эмилия закончила трапезу, Виктория встала со стула, прилегла рядом и прижалась к ней, обнимая иссохшее тельце, как подушку. Эти минуты близости между ними значили очень много для девушки. Она ни с кем никогда так не сближалась. Ей нравилась кожа на руках двоюродной бабушки – тонкая, почти прозрачная, с выступающими фиолетовыми венами. Спина тети Эмилии была усыпана пигментными пятнами. Старушка пользовалась слуховым аппаратом, который пыталась спрятать в тонких серебристых волосах.

– Ты изменилась, – улыбнулась бабушка.

– Я? Нет... – Виктория отвернулась и уткнулась лицом в ее колени, вдыхая аромат: тетя Эмилия надушилась после ванны.

– Ты с кем-то познакомилась? – полюбопытствовала старушка. Она оставалась такой же проницательной, как и прежде, и сразу перешла к делу.

– Да. Кажется, у меня появился новый друг.

– Симпатичный?

– Просто писатель, который после обеда сидит в нашем кафе и пишет.

– Он пригласил тебя на свидание?

– Мы вместе выпили колу.

– Похоже, он тебе понравился.

– Ты говорила то же самое про Арроза.

Тетя Эмилия победоносно приподняла брови:

– Сейчас все по-другому. Ты не краснела, когда рассказывала об Аррозе.

Виктория не знала, что ответить. Двоюродная бабушка словно читала ее мысли.

– Просто удивительно, как ты похожа на отца, – продолжила тетя Эмилия. – Мауро был таким же. Молчаливым, загадочным. Мы тоже его о таком спрашивали, а он никогда не отвечал.

По правде говоря, Виктория почти не помнила родителей и брата. Когда все произошло, она была слишком маленькая. По словам доктора Макса, то, что ее мозг воздвиг защитные стены, вполне нормальная реакция. За все эти годы из бесед с тетей Эмилией девушка по крохам собирала сведения о своей наследственности: она скрещивала руки на груди, как брат, у нее были манеры и взгляд отца, улыбка и голос матери. Виктория воссоздавала свою семью, словно человек, читающий книгу и воображающий персонажей. Она узнала, что брат был фанатом «Звездных войн» и коллекционировал футболки разных команд. Отец был застенчивым, сдержанным и ни с кем не встречался до того, как познакомился с матерью Виктории. Мать была жизнерадостной, разговорчивой и требовательной к ученикам на уроках алгебры. Столько всяких историй...

В комнате тети напротив кровати, на деревянном стеллаже рядом с несколькими маленькими статуэтками святых, Библией и снимками самих Эмилии и Виктории разных лет стояла общая семейная фотография. Ее сделали в парке города Посус-ди-Калдас. Семья Виктории ездила туда на Пасху вместе с Эмилией. Девятилетний Эрик единственный на снимке не улыбался. Он злился, потому что родители отказались купить ему то, что он хотел. Виктория, счастливая малышка, уцепилась за ноги Мауро, а Сандра стояла рядом, красивая, с длинными волосами, улыбкой на лице и гордой учительской осанкой. Девушка замечала явное сходство между собой и матерью: те же светлые глаза, тот же тонкий рот и маленький носик. Только она ощущала себя ухужденной мужеподобной копией Сандры.

– Меня никто не интересуется, – закрыла тему Виктория.

– Не вижу в этом ничего дурного, – мягко ответила тетя Эмилия. – Я каждый день молюсь, чтобы ты встретила хорошего человека.

Будучи ревностной католичкой, старушка целые дни проводила в молитвах, за чтением Библии или просмотром записей месс по телевизору. Виктория покачала головой и улыбнулась. Ей в самом деле понравился этот писатель, и она действительно время от времени ловила себя на фантазиях о нем. Но кто захочет связать жизнь с таким безнадежным человеком, как она? Виктория предпочитала оставаться незамужней. Так безопаснее.

Она ушла из дома престарелых незадолго до полудня, собираясь дочитать «Коралину» Нила Геймана и смотреть фильмы весь остаток дня. Сегодня в кинотеатре день дешевых сеансов; к тому же она покупала билеты за полцены по удостоверению, которое подделал для нее Арроз. Потраченные на кино деньги она компенсирует тем, что в это время не будет включать дома кондиционер.

Виктория шла к метро, когда в кармане завибрировал мобильник. Она была уверена, что это Арроз – он много раз названивал последнее время, – но, к ее удивлению, это оказался Белино, или попросту Бели, хозяин кафе «Моура». Он не имел привычки звонить ей, тем более в выходной. Девушка сразу ответила.

С сильным португальским акцентом Бели объяснил, что у Эллен, другой официантки, возникли какие-то семейные проблемы и ей потребовался отгул. Кафе и так битком, а в обеденное время станет еще хуже. Они с Марго не справятся, и он хотел, чтобы она приехала как можно быстрее и подменила коллегу. Скрепя сердце Виктория согласилась: она не могла бросить его в беде. Бели был коренастым мужчиной с суровым выражением лица, грубоватый, но Виктория знала его уже много лет, и он приходился хорошим другом тети Эмилии – и, возможно, в прошлом не только другом. Под внешней вспыльчивостью она видела мягкую сторону старика. Кроме того, он предложил ей эту работу, когда девушка была совершенно разбита, ходила с мешками под глазами и постоянной головной болью от выпитого. Она перед ним в неоплатном долгу.

Виктория села в переполненный поезд, направлявшийся в северную часть города. Все эти люди, звуки, запахи и потные тела напоминали ей ад. Она шла по улице Ассемблея, держась поближе к обочине и избегая забитого народом тротуара. Подняв голову, увидела большую вертикальную вывеску кафе «Моура». Едва она вошла, как к ней направился Бели. Его лоб вспотел, а под мышками были отчетливо видны влажные круги. Он протянул ей фартук.

– Ездил в дом престарелых?

Виктория кивнула.

– Как она сегодня?

– Болтает, как всегда.

Бели часто навещал ее двоюродную бабушку, но они никогда это не обсуждали. Кафе уже было битком набито: оба этажа наполнились тихим гулом голосов и звяканьем тарелок. Аромат жареных кофейных зерен перебивал все остальные запахи. Направляясь к кассе, Виктория старалась не смотреть на стол, за которым обычно сидел Джордж. Она знала, что не найдет его там, – его не было и вчера в ее смену, но сама мысль о нем заставила ее оглянуться. К удивлению, Джордж оказался на месте.

Он снял наушники, облокотился на клавиатуру ноутбука и помахал ей рукой. Виктория почувствовала пробежавшую по спине дрожь и быстро отвернулась, будто не заметила его. У стойки она спросила Марго, не нужно ли ей что-нибудь, а затем помогла выложить на горячую тарелку ломтики панини²³.

– Двенадцатый столик. – Марго добавила на поднос капучино.

Черт. Это же столик Джорджа.

Виктория застыла как вкопанная, не зная, что делать.

– Отнесешь это, дорогая?

²³ Панини – итальянский вариант сэндвича.

Виктория не могла отказать. Со вздохом поправила бант в волосах, надеясь, что он не слишком перекосялся, и взяла поднос. Так глупо с ее стороны соглашаться на свидание с посетителем... Теперь она не избавится от него при всем желании. Виктория подошла к столику, опустив глаза и пытаясь унять дрожь в руках. Если бы только на стене висело зеркало...

Она поставила чашку рядом с ноутбуком, избегая смотреть Джорджу в глаза.

– Рад видеть тебя сегодня, – сказал он.

– Не желаете сахар, сеньор?

Джордж вздохнул:

– В чем дело? Что-то случилось?

– Сахар? – повторила она.

– Я сделал что-то не так? Поговори со мной.

– Не могу. Я занята.

Он откинулся на спинку стула:

– Вчера произошло кое-что... Я хотел прийти сюда, но...

– Ничего страшного, – соврала Виктория.

– У меня появилась работа в Сан-Паулу. Мне нужно ехать туда на следующей неделе, но в пятницу я свободен. И очень хотел бы с тобой встретиться. Ничего такого... Можем просто посидеть и понаблюдать за людьми на улице, пойти в книжный магазин или...

– Нет.

– Ты не сможешь в пятницу?

Виктории хотелось сказать «смогу» – разумеется, она сможет, – но девушка злилась, что он не появился в кафе накануне. Джордж воспользовался ее колебанием, чтобы вручить салфетку с номером телефона. Виктория огляделась, быстро скомкала салфетку, пока никто не заметил, и отошла, надеясь, что писатель больше ни о чем не попросит. Весь день она не смотрела в его сторону, а Джордж громко печатал без остановки, словно провоцируя ее. Виктория слышала непрекращающееся «тук-тук-тук» по клавиатуре. Как ему только удавалось сосредоточиться?.. Виктория рассчитала его лишь в конце дня.

– Значит, в пятницу? – уточнил Джордж, оставляя на столе щедрые чаевые.

– Девять, восемь-восемь-девять-три, один-четыре-три-шесть. Позвони, – продиктовала Виктория и ушла. За стойкой она мысленно сосчитала до тридцати, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Когда девушка оглянулась через плечо, Джордж уже ушел. Она что, спятила, давать ему свой номер? Неужели он так быстро запомнил его? Или его застали врасплох? Лучше не знать. В глубине души она понимала – доктор Макс прав. Чем меньше она контролирует себя, тем больше у нее свободы. И это хорошо. Прежняя Виктория ни за что не сообщила бы мужчине свой номер.

Люди встречаются с другими людьми вечером по пятницам – это нормально. К тому же Джордж и вправду мог стать просто другом. Да уж, ирония судьбы – и вместе с тем такая банальность... Нельзя делать из всего проблему. Психиатр и тетя Эмилия гордились бы ее поступком. Виктория вдруг ощутила, как ее переполняет сочувствие ко всему миру. Она даже была готова простить Арроза: он просто еще один парень, воспитанный в духе «нет ничего плохого в том, чтобы поцеловать женщину против ее воли». Он, конечно, уже усвоил урок. Наверное, пора ответить на его сообщения.

Оранжевое небо окутывало административные здания в центре Рио. Виктория решила присесть на скамейку на улице Лаврадио и полюбоваться садившимся солнцем за конусом кафедрального костела. Домой она добралась почти в восемь. По пути ее не смущали даже бары на углу улицы, битком набитые выпивающими после работы. В подъезде она столкнулась с Джексоном – соседом-проституткой. Его «точкой» была скамейка возле «Старбакса» в Синеландии. Судя по количеству вылитого на него лосьона после бритья, он направлялся на работу.

Виктория медленно поднялась по лестнице, опираясь на перила и рассеянно вспоминая подробности того момента, когда она продиктовала свой номер Джорджу: негромкие разговоры вокруг, выражение его округлившихся глаз, недоеденный круассан на столе. Прошла по коридору, ища ключи в боковом кармане рюкзака. Но в нескольких шагах от двери замерла: дверь была явно взломана, а дверная ручка валялась внизу на коврик. «Черт, в квартиру вломился вор», – была ее первая мысль. Кражи со взломом в ее районе случались все чаще и чаще.

Девушка осторожно и совершенно бесшумно открыла дверь. Гостиная в идеальном порядке. Виктория огляделась по сторонам: стулья на местах, мягкие игрушки – на полках, рядом с приключенческими и научно-фантастическими книгами. Ноутбук, самая ценная вещь в квартире, по-прежнему лежал на диване. На кухне вроде тоже ничего не пропало. Виктория взяла самый острый нож из ящика стола и направилась к раздвижной двери, ведущей в спальню. Она была закрыта, как ее и оставили. Девушка на цыпочках прошла вперед и вошла в комнату, готовая ко всему. Если она закричит, соседи должны ее услышать. Но она не закричала. На стене над кроватью черной краской из баллончика были выведены огромные буквы:

ХОЧЕШЬ ПОИГРАТЬ?

У нее подкосились ноги, и Виктория рухнула навзничь. Ее вырвало прямо на одежду. Теплая вонючая жижа, стекавшая по блузке, не давала отключиться. Он все еще здесь, в комнате? Лежа на полу, Виктория изогнулась, чтобы поправить протез и сесть на корточки. Отдвинула нож и уперлась руками в пол, пытаясь подняться. У нее кружилась голова, волосы прилипли ко рту и потным щекам. Она попробовала встать, но локти подломились, и Виктория снова всей тяжестью рухнула на пол грудью и животом. Подползла к кровати, словно тонущий человек, и привалилась к матрасу, уцепившись за простыню. Ей удалось приподняться на несколько дюймов, опираясь на протез.

Она окинула комнату затуманенным взглядом, но, похоже, там никто не прятался. Может, в шкафу? Тут Виктория заметила на кровати, между подушками, в нескольких сантиметрах от себя что-то черное, похожее на большой кусок угля. У нее екнуло сердце: Абу. Она потянулась к плюшевому мишке и прижала к груди; ее трясущиеся руки испачкались в еще свежей черной краске.

* * *

Виктория отреагировала иначе, чем я думал. Делая этот ход, я рассчитывал, что она потеряет контроль над собой, почувствует себя беззащитной и сразу бросится ко мне за помощью. Она этого не сделала. С одной стороны, я разочарован. С другой – горжусь ею. Мне нравятся трудности. Нравится, что она превзошла мои ожидания. Это еще больше будоражит.

Наконец-то процесс пошел. Нельзя торопить события. Я ждал двадцать лет, все тщательно подготовил – и не собираюсь все испортить. Беру телефон и набираю ее номер. Не жду, что она ответит. Но важно, чтобы Виктория знала: я рядом, я забочусь о ней, она может на меня рассчитывать.

Все это часть моего плана.

5

Единственный источник света – уличный фонарь на углу; его лучи проникают через наглухо закрытое створчатое окно гостиной. Свернувшись калачиком на диване, Виктория уставилась на защитные устройства, установленные сегодня на ее дверь. Ей пришлось до дна опустошить банковский счет, чтобы оплатить полный комплект: пять замков трех разных марок. Помимо тройного, с никелированной цепочкой, позволяющей приоткрывать дверь, ей поставили два усиленных замка системы «Тетра» – один на уровне глаз, другой у пола – и два безопасных засова. Двойной слой пузырчатой пленки под входным ковриком должен был предупредить о чем-то нежелательном визите. Теперь Виктория чувствовала себя чуть спокойнее. Она предпочла бы дверь со стальными пластинами, но такая стоила целое состояние. Все утро четверга ушло на мытье стены в спальне и отстирывание Абу в раковине. Она так старалась, что порвала его шерстку, и маленькие пенопластовые шарики выкатились наружу. Пришлось собирать их по одному и зашивать медвежонка. Еще она купила банку белой краски и перекрасила стену; сильный запах не выветрился даже к пятнице. Виктория посмотрела на кухонные часы, чувствуя: сейчас что-то произойдет. Было девять вечера.

Звуки с улицы с каждой минутой становились все громче. Вечера в районе Лапа всегда оживленные. Толпы людей из самых разных слоев собирались в барах, возле уличных ларьков с сэндвичами и коктейлями «Кайпирина», на музыкальных площадках с самбой, регги или форро²⁴, в караоке-барах и бильярдных. Со своего места девушка могла одновременно следить за дверью и окном. Она не спала почти двое суток; веки стали свинцовыми, голова отупела. Время от времени Виктория все же задремывала на диване, прижимая к себе Абу, ставшего блекло-серым после тщательной стирки. Но почти сразу просыпалась в холодном поту от слишком красочных кошмаров: топор, пробивающий деревянную дверь, как в «Сиянии»²⁵. У нее затекла спина, и постоянно подмывало опустошить целую бутылку водки, чтобы притупить боль. К счастью, Виктория не держала дома алкоголь с тех пор, как бросила пить. Она успела доесть остатки фруктов, хлеба и йогурта в холодильнике, а за день до этого поджарила последний кусочек куриного филе. Придется в выходные пойти в супермаркет и сделать огромное усилие, чтобы не прихватить с собой бутылку. На столе посреди комнаты на расстоянии вытянутой руки лежал кухонный нож, а рядом с ним – швейцарский армейский перочинный нож. Мобильник тоже был там, с полностью заряженной батареей – на случай, если понадобится позвать на помощь.

Вчера днем ей много раз звонил Бели. Наверное, беспокоился, что она не появилась на работе без предупреждения. Доктор Макс оставил несколько сообщений, потому что Виктория пропустила сеансы в четверг и пятницу. Арроз продолжал названивать без остановки, оставляя длинные голосовые сообщения, которые она не удосужилась прослушать. В полдень в четверг звонили с неизвестного номера, оказавшегося в итоге телефоном, нацарапанным Джорджем на салфетке. Может, хочет назначить свидание... После случившегося сама идея встречаться с посторонним человеком казалась абсурдной. Да и вообще с кем бы то ни было. Хотелось замуроваться и отгородиться от всего мира. Только это не выход.

Окно – путь отхода, если злоумышленник вернется. Будь это приличный дом вроде тех, где живут богатые люди в южных районах Рио, то в холле и на лестничной клетке стояли бы камеры, и Виктория смогла бы выяснить, кто вошел и разукрасил стену. Она подумывала спросить соседей, не видели ли они постороннего, но это пустая трата времени. В дом постоянно входила и выходила куча народу. Тот же Джексон всегда водил клиентов к себе. Иногда

²⁴ Форро – бразильский парный танец.

²⁵ «Сияние» – кинематографический триллер-хоррор С. Кубрика по одноименному роману С. Кинга.

из-за стенки до нее долетали стоны, и, когда ей это надоело, она включала музыку в наушниках.

Сейчас музыка не помогала. Тело налилось свинцом, умоляя о выпивке или отдыхе; Виктория повалилась на диван, медленно погружаясь в успокаивающую пустоту. С нее капал пот. В этот час на улице многолюдно – прекрасный шанс для преступника рискнуть и вернуться снова, поэтому приходилось бодрствовать. Виктория встала и умылась в раковине, чтобы немного освежиться. Сняла джинсы и оставила их на кухонном табурете; теперь на ней были только футболка и нижнее белье. Выпила стакан воды, съела последний банан из вазы с фруктами и попыталась разобраться в доносящихся издали звуках: телевизор на пятом этаже, хлопанье двери на третьем, шипение радио на первом, пронзительный смех на углу улицы, тяжелые шаги то ли вверх, то ли вниз по лестнице. Все было бы намного проще, поставь она камеру в коридоре, над дверью или у входа в дом. Может, следовало позвонить Аррозу и попросить помочь установить охранную систему в квартире – он наверняка знает, как это делать – и одолжить у него телескоп, чтобы поставить у окна. Виктория даже выяснила, почему в интернете продается оружие. Мало того что стволы дорогие, так их еще трудно приобрести. Арроз должен знать более простой способ раздобыть пистолет.

Виктория вернулась на диван, ощущая дискомфорт в левой лодыжке. Сняла протез и попыталась сосредоточиться. Первые несколько лет после того, как она лишилась ноги – ее пришлось ампутировать, когда из-за ножевых ранений развилась гангрена, – девушку преследовали фантомные боли, словно конечность все еще находилась на своем месте. Мозг хотел и дальше управлять ногой и не мог смириться с ее потерей: тело жаловалось, что балетки сдавливают пальцы, а ногти на ногах отросли так, что изогнулись, царапая пол и вращая в ступню. Все это было лишь плодом воображения, но чувствовалось именно так. Доктор Карлос испробовал разные методы, пока наконец Виктория не научилась концентрироваться с закрытыми глазами и мысленно отзеркаливать правую ногу на несуществующую левую. Тогда ее мозгу казалось, что она стрижет ногти или чешет коленку на левой ноге всякий раз, когда проделывает это с правой. Со временем это превратилось в такую же привычку, как чистить зубы по утрам или завязывать бант на голове перед выходом. Зуд в несуществующей ноге становился все сильнее и сильнее. Виктория зажмурилась, но ничего не могла представить. Ее раздражало все: жара, мелодия самбы из соседнего бара, полумрак в гостиной, бегающие вверх-вниз по телу мурашки...

Она открыла глаза. Культя, которая заканчивалась чуть ниже колена... Как она могла видеть, что чего-то не хватает, если бы мозг не осознавал этого? Человеческий разум – отвратительная вещь. Как и все человеческое тело. Болезни, бактерии, грибковые инфекции, рак... По крайней мере, сейчас у нее хотя бы нет месячных.

Внезапный шум заставил насторожиться. Кто-то поднялся по лестнице и остановился в конце коридора. Если это Джексон, то с ним должен быть клиент, но полночь еще не наступила. Виктория внимательно прислушалась: шаги одного человека. Она быстро надела протез. Это была самая продвинутая модель, позволяющая свободно двигаться, с аэродинамическими зазорами и легкой посадкой. Металлическая конструкция весила ровно столько же, сколько и настоящая нога, поэтому особой разницы при ходьбе не чувствовалось. Подрастая, Виктория меняла протезы, как другие – очки. А когда пришло время выбирать окончательный вариант, купила лучший из возможных.

Девушка молча подошла к табурету, на котором оставила джинсы. Лодыжка невидимой ноги горела, поэтому она сжала левое бедро обеими руками, пытаясь унять боль, но тщетно. Пришлось закусить край футболки, чтобы не шуметь. Виктория привалилась к столешнице, натянула джинсы и снова прислушалась к звукам из коридора. Ни поворота ключа в соседской двери, ни движения на лестнице. Просто тишина. А потом лопнула пузырчатая пленка под ковриком. По ту сторону двери кто-то был.

Виктория схватила нож и, прихрамывая, подошла ближе. Ощущения были такие, будто ядовитые муравьи ползают по лодыжке, пожирая плоть, чтобы добраться до костей. Ей хотелось спросить, кто там, но она сдержалась. Сердце колотилось с оглушающей частотой. Говорят, у страха есть свой запах и звук. Виктория не знала это наверняка. Оставаясь на месте, девушка прислонилась к дверному косяку и прижала ухо к замку в ожидании каких-нибудь звуков. Ничего. Какая же она дура, что не поставила глазок! В чем польза от замков, цепей и ножей, если нельзя увидеть, кто поджидает тебя по ту сторону? Она немного выждала. Снова звуки лопающейся пузырчатой пленки, затем – ломающейся пластмассы из-под дверного коврика. Виктория высоко подняла нож и взяла мобильник в другую руку. Кому звонить?

Не успела она ничего придумать, как послышались шаги в коридоре. Незванный гость удалялся. Собрался уходить? Или готовился взломать дверь? Такая неопределенность была просто невыносима, как будто внутри Виктории разрасталась язва. Это Таггер, вернувшийся спустя столько лет? Или его подражатель? Она должна знать наверняка. Стараясь не шуметь, отодвинула запоры и открыла замки. Повернув ручку, осмелилась приоткрыть дверь на небольшую щелку, через которую просматривался темный коридор. Сразу же разглядела неподвижную тень на верхней площадке лестницы. Мужчина стоял к ней спиной и с чем-то возился. Пистолет? Отмычка? Не раздумывая, Виктория шагнула в коридор. Все произошло слишком быстро: она подошла вплотную, занеся руку и готовясь ударить сзади, но мужчина резко обернулся, предчувствуя нападение. Ее мозгу потребовалось меньше секунды, чтобы понять, кто перед ней, и нож сам собой опустился. Лезвие чиркнуло по руке доктора Макса, когда тот попытался остановить Викторию. По его коже заструилась кровь. Девушка уставилась на рану, потеряв дар речи; ей хотелось разрыдаться. Она нервно сглотнула и извинилась.

– Я беспокоился... – Доктор Макс зажал порез другой рукой, словно не произошло ничего особенного. – Что случилось?

Виктория посмотрела на приоткрытую дверь, боясь, как бы кто не увидел эту странную сцену: дрожащая женщина, окровавленный нож, раненый мужчина... Она завела психиатра в квартиру и заперлась на все замки. Принесла из ванной антисептик и бинт и перевязала доктору Макс руку, одновременно пытаясь объяснить. Слова застревали в горле, но рассказанная правда делала все еще реальнее и страшнее. Виктория на секунду прервалась, чтобы глотнуть воды, и закончила историю надписью на стене и установкой дверных замков. Ее вдруг встревожила одна деталь.

– Откуда вы узнали мой адрес?

– Он всегда был у меня в папке с историей твоей болезни в кабинете.

Виктория не помнила, чтобы заполняла какие-то анкеты. Правда, в самом начале своего лечения она была не в себе...

– Почему вы не постучались?

Доктор Макс вздохнул. Казалось, вопрос смутил его.

– Здесь я вышел за профессиональные рамки. – Он посмотрел на забинтованную руку. – Не следовало приходить к тебе домой, но я очень волновался. Ты не пришла ни вчера, ни сегодня утром и не отвечала на звонки. Я весь день думал, как мне поступить, и решил приехать сюда. Я не собирался заходить в дом, просто хотел позвонить в домофон и... поговорить. Убедиться, что все в порядке.

– Здесь нет домофона.

– Теперь я это знаю.

– Как вы попали внутрь?

– Дверь была приоткрыта. Я вошел, даже не задумываясь. Собирался еще раз позвонить тебе, прежде чем постучать в квартиру. А потом вышла ты и...

– Мне очень жаль. Я не хотела сделать вам больно.

– Вик, тебе нужно позвонить в полицию.

– Ни за что.

Макс подошел к двери осмотреть замки и засовы. Дверь напоминала вход в тюремную камеру.

– Я... – Психиатр заколебался. – Я могу пойти с тобой.

Виктория знала, что это снова выйдет за его профессиональные рамки.

– Можно посмотреть надпись? – спросил доктор, когда Виктория не ответила.

– Я все закрасила.

Он взглянул на нее с непонятым выражением. Девушке не понравилось подозрение на его лице. Хотя в ее диагнозе не было слова «бред», Макс смотрел на нее как на психа, называющего себя Наполеоном.

– Я верю тебе, – наконец произнес доктор. – Но почему ты не хочешь обратиться в полицию?

Виктория молчала. После трагедии ей потребовались бесчисленные сеансы с доктором Карлосом, чтобы осознать: гибель семьи не должна определять ее будущее. Ей нужно преодолеть свою ярость, и тогда потеря родных станет только одной из многих глав в биографии Виктории Браво. Значимой, но отнюдь не последней, как сказал психиатр. Разумеется, это оказалось нелегко. Со временем она научилась по-другому воспринимать боль и чувство вины, избавляться от травм и не искать объяснений, чтобы контролировать свою боль. Для этого Виктория отстранилась от той части своей жизни, даже перестала искать себя в интернете. Ей нельзя звонить в полицию, чтобы прошлое не нахлынуло снова.

– Так что? – не унимался доктор Макс.

Виктория вздохнула:

– Все в прошлом.

– Ты смогла двигаться дальше, отпустив прошлое, и до сих пор это работало. Но, учитывая случившееся, ты не можешь продолжать в том же духе. Нельзя просто взять и все бросить из-за той надписи на стене. Этот парень опасен. Если он вернулся, тебе нужно защищаться.

– Я и защищаюсь.

– Чем? Вот этим ножиком? Замками? А дальше что – пистолет купишь? Не будешь подходить к телефону? Забросишь лечение, работу и личную жизнь? Опять начнешь вредить сама себе, как это уже было с алкоголем?

– Неправда.

– Контролировать свою жизнь не значит игнорировать прошлое и стереть все, через что ты прошла. Это значит осмыслить произошедшее и взглянуть правде в глаза. Ты сможешь, Вик.

Но она чувствовала: не сможет. Из живота к горлу поднялся комок, и Виктория расплакалась – судорожно разрыдалась, сдерживаясь до этого с большим трудом. Макс подошел успокоить ее и медленно погладил по волосам. Он был высокий и широкоплечий, и в его присутствии она чувствовала себя как за каменной стеной. Хотя ей не нравились чужие прикосновения, Виктория позволила себя обнимать.

– Почему я выжила? – спросила она, уткнувшись лицом ему в грудь.

Доктор не ответил, лишь молча подвел ее к дивану и заставил сесть, снова обнимая. Виктория осмелилась прижаться к его теплему телу. Седеющая борода доктора коснулась ее кожи. Она заметила золотую цепочку на его загорелой шее. Сделала глубокий вдох и почувствовала запах его одеколona – крепкий, мужской. На секунду их физическая близость ошеломила ее, и она хотела отстраниться. Но доктор Макс дарил ощущение безопасности, а не отталкивал от себя. Ведь он ее врач. Виктория опустила голову ему на колени и немного расслабилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.